

леній. Онъ все больше убѣждался въ необходимости науки для своего народа, горевалъ о его невѣжествѣ и рабствѣ, мечталъ объ его освобожденіи отъ ига и соединеніи въ одну крѣпкую землю. Это былъ прямой и непосредственный начинатель сербскаго возрожденія.

Вотъ нѣсколько выдержекъ, рисующихъ отчасти характеръ этого народнаго христіанскаго моралиста и патріота.

Въ «нравоученіи» къ баснѣ: «Ластавица и проче птице», Досиѣеи Обрадовичъ рассказываетъ,—замѣтимъ, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія:

«Я самъ различне нашіе желію и искаю познати; а на властито нашу Славено-Сербску одъ Баната до Албаніе. У Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Далмаціи и Ерцеговини, свуда э у селяни ови кралѣвства, характеръ во обще еднакъ; као дасу, како и есу, една фамилія. Гди годъ доброе, ту су великодушни, страннолюбиви, мужественни, пощени (т.-е. почтенны), на добро склонни, и здравимъ то есть общимъ челоуѣческимъ разумомъ одарени; а притомъ и трудолюбиви. Гди се годъ измету себе у комшилуку мрзе, то по найветьей части происходи изъ тога, що су неки греческога и неки римскога закона и наричу едни друге съ кое-какви ружни и презрителними именами; први фторе зову, или шокци или буніевци или римци или латини. А ови оне, власи, ркаты и шизматичи: А честно, свето и братско име христіни то свагъ само за се држи; или ако кадъ една страна другу назове крштьани, или риштьани (т.-е. христіане), то се за особиту милость и учтивость твори и држи; и по несреты (т.-е. несчастью) врлю редко бива... Этого бы не было, замѣчаетъ онъ, если бы священство съ обихъ сторонъ было «добровоспитано»; оно открыло бы народу очи и объяснило бы ему святую евангельскую науку любви и мира. И теперь мы уже видимъ милость промысла: турецкая власть падаетъ, а христіанская вездѣ возвышается. «Сербіи, Босна и Ерцеговина избавитесе съ временомъ отъ турака и освободити: али, ако народъ у овимъ землями не почне отресати одъ себе суетвріе и неизкорени ону древню и богомрску вражду и мрзость за законъ (т.-е. религіозную вражду); они тьеду сами себе бити турци и мучители». (Басне, Лейпц. 1788, стр. 305—6).

Изъ этого видно, что Досиѣеи Обрадовичъ понималъ вещи весьма разумно, какъ многіе не понимаютъ ихъ и до сихъ поръ.

Въ автобиографіи Обрадовичъ рассказываетъ, какъ мечталъ онъ въ молодости объ ученіи и какъ онъ собирався для этого въ Россію. Одинъ умный старецъ-монахъ, хотя самъ неученный—по имени Ѳеодоръ Милутиновичъ—убѣждалъ его предпочесть науку калугерству (монашеству).

«Колико самъ я простъ и неучень—говорилъ этотъ старецъ—мені е миліе видити ученогъ младаго Ранча, него четири вселѣиска патріарха, кои би били безъ Науке као я, видно си га како е младъ и безъ браде; али кадъ стане беседити, ми сви с великимъ брадама гледамо га као дасмо изъ дивіегъ вилаета дошли... Вѣруй ми, мой синко! кадъ годъ чуюмъ младаго Ранча да беседи, уздншемъ за моіомъ младошћу и да имамъ какву власть, све би ове наше манастире у школе и у училища преобратію. За то послушай ти мой последнк совѣтъ: извади изъ главе то твое светиниченѣ; я ти задаемъ мою србску вѣру да изъ тога нетье нища бити (т.-е. ничего не видеть); тражи науку и гладуютьи, и жеднетьи, и наго-